



Лестница в Средневековье

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВА

ФОТОГРАФИИ EUROPÄISCHES HANSEMUSEUM LÜBECK

«Средние века непосредственно соприкасаются с нашим временем».

Эжен Виолле-ле-Дюк, французский историк

О событиях ганзейской эпохи рассказывает новый музей в Любеке, открытый в мае 2015 года. Он стал крупнейшим музеем Европы по истории Ганзейского союза, хотя давно и заслуженно популярен музей Ганзы в норвежском Бергене, мы знаем о ганзейских достопримечательностях в Таллине, Риге, городах Северной Германии...

Историки нескольких европейских стран, включая Россию, под руководством профессора Рольфа Хаммель-Кисоу решили музейными средствами приблизить к нашему времени грандиозную эпоху Ганзы, начиная с событий 800-летней давности. Тем более что Средневековье столь долго и несправедливо оставалось белым пятном на исторической карте человечества. И если далекое прошлое, по словам известного английского археолога Роя Стефенсона, — это образы расплывчатые, как бы в тумане, то любекский му-

зей решительно взялся их очертить. Без приукрашивания, даже если прошлое хранит в себе много боли. Современный музей, по мнению историков, не должен быть хранилищем запыленных предметов и пожелтевших документов. Прошлое надо показывать так, чтобы его можно было активно осмыслить чувством и умом, чтобы посетитель мог совершать личные открытия. Власть образов далекой эпохи, поддержанная историческими текстами, артефактами, инсценировками событий, должна витать в воздухе, манить и завораживать. От музейных дизайнеров требуется смелость, почтительное, но безбоязненное отношение к истории. А новые технологии, привлекаемые к музейной жизни продуманной концепцией (не штурмовщиной и не поспешными усилиями случайных людей), донесут до публики мощь и драматизм истории Ганзы. Так и получилось...

Музей

Europäisches Hansemuseum Lübeck располагается в северной части старого Любека, у холма, высоко над рекой Траве. Здание музея объединило в одно целое доминиканский монастырь Марии Магдалины, бывший в XIII веке крепостью и монастырем, а позже, в эпоху Реформации, — богадельней и тюрьмой, и новую постройку, спроектированную гамбургским архитектором Андреасом Хеллером, лауреатом награды «Лучший европейский музей года» за великолепное здание музея немецкой эмиграции в Бремерсхафене. Музейный комплекс тянется от гребня холма, на котором находится монастырь, до набережной Траве, занимая более 7400 кв. м. Старый ганзейский порт как раз и находился здесь, простираясь до построенной любекскими купцами Мариенкирхе, символа Любека (она совсем рядом, чуть ниже по набережной). Мариенкирхе стала образцом церковного строительства для ганзейских немецких городов Ростока, Штральзунда, Висмара. Славное место для музея...

Решение о его строительстве было принято в 2010 году, но концепция будущего музея была осмыслена значительно раньше. Мысли архитектора о типе музея были созвучны ей, но он искал остросовременное решение. Хотелось возвести здание, появление которого стало бы эмоциональным событием для города. Архитектурно музей выглядит очень стильно: его очертания суровы и близки простым геометрическим фигурам. Строгие фасады, чем-то похожие на средневековые стены, аккуратно выложены из кирпича. Это напоминание о ганзейском облике краснокирпичного Любека. Его неровную, тронутую временем кладку можно видеть тут же, поднявшись по лестнице, ведущей резко вверх, от набережной Траве до здания монастыря. Лестница, конечно, воспринимается символически — она будто бы соединяет настоящее с прошлым. По ней и поднимаются в музей. Необычная, смелая архитектура, тонко увязанная с местом, говорит об установившемся тренде строить музейные здания так, чтобы они были подобны маякам, видимым отовсюду. Как отметил иерусалимский ученый Ноам Шовал, эффектные, авангардные музейные здания на фоне старого города стали актуальны после возведения в 1997 году музея Гугенхайма в Бильбао.



В новом музее все начинается с лифта, который везет вас вниз. Там посетитель неожиданно видит остатки древнего поселения, которому не менее 800 лет. Их обнаружили при строительстве музея. Сие чудесное открытие Хеллер воспринял как подарок Ганзы и оставил эту древность нетронутой в качестве естественного пласта истории. Такое начало строительных работ для его команды стало знаком свыше, подтверждающим значимость и своевременность появления музея.

Планировалось, что музей будет готов уже к 2013-му, но находка строителей затянула процесс. Да и смета выросла почти вдвое — с 27 до 50 миллионов евро. Главное бремя финансирования взял на себя любекский благотворительный фонд Possehl-Stiftung, но и от Европейского сообщества поступило около 10 миллионов евро. На открытие прибыла Ангела Меркель, которая напомнила, что Ганзейский союз был «первым успешным экономическим объединением Европы». Музейная экспозиция тоже наводит на мысль, что корни нынешней интеграции ЕС тянутся в Средневековье. Проявлением ганзейского духа, по мнению канцлера, стал акт щедрости любекских дарителей, согласившихся на увеличение бюджета вдвое. В музее ожидают до 130 тысяч посетителей в год.

Ганзейский союз

Есть версия, что слово «ганза» — фламандско-готского происхождения и обозначает «товарищество», т. е. союз, созданный для определенной цели и поддержанный взносами. Но есть и иное толкование: Ганзой в Северной Германии XII века называли торговую повозку с ценным грузом, которую сопровождала охрана. Собственно, с товарищества купцов, с таких повозок, следующих по средневековым дорогам, и начнется ганзейская история. Позже явится мощный торговый флот: крепкие морские когти, маневренные, речные звери, возникнет одна из главных ганзейских артерий — канал Штекниц – Любек, вырастут города... И все завертится.

Немецкие торговые гильдии начнут объединяться с XII века, чтобы безопаснее перемещаться водными путями, закреплять торговые привилегии. В 1158 году успешный в негоцианском деле Любек основал торговую компанию в Висбю, на острове Готланд. Этот город на середине пути от Траве к Неве, к русским городам, к Великому Новгороду, на долгие годы стал главным партнером немецких купцов.



Суда избегали длинных переходов, и Висбю служил первым форпостом предганзейской торговли. На берегу Рижского залива чуть позже, уже бременскими купцами, будет основана Рига.

Первый общеганзейский съезд — ганзетаг (Hansetag) состоялся в 1356 году в Любеке, а завершилось формирование Ганзы в 1367–1370 гг., во время ее войны с Данией за свободное прохождение торговых судов через проливы Зунд и Скагеррак. Ганза стала своеобразной купеческой федеративной республикой: начинала войны, объявляла экономическую блокаду непокорным, занималась каперством и билась с пиратами. В 1370 году Дания, владычица проливов в Балтийском море, капитулировала перед Ганзой, заключив Штральзундский мир. Города, входившие в Ганзу, имели право свободной торговли на чужой территории, в ходу была единая денежная система и система мер и весов, а решения ганзейских съездов являлись обязательными для городов, входивших в союз. Помимо родных языков, общим в Ганзе признавался немецкий. Главная роль в ней с конца XIII века отводилась Любеку, поэтому решения ганзетагов обычно начинались со слов: «Ганза и Любек постановляют».

Под эгидой Ганзейского союза с XIII по XVII век состояло около двухсот городов, от Бергена в Норвегии до русского Новгорода, причем членам Ганзы вменялось в обязанность выполнение жесткого устава, особенно сурового в факториях — торговых поселениях ганзейских купцов в других землях.

На судьбу городов, с которыми шла торговля, Ганза оказала огромное влияние. Достаточно сказать, то многие города союза приняли передовое любекское право. А Новгород, например, в неурожайном 1231 году был спасен от голода. Согласно летописям, именно ганзейцы привезли сюда хлеб. Они основали в Новгороде Немецкий двор, построили каменную церковь Св. Петра. Фактория, сложившаяся раньше других, была

названа по церкви — Peterhof. В Новгород ганзейцы ежегодно отправляли две экспедиции: одну летом — по Балтийскому морю, Финскому заливу, Неве, Ладожскому озеру и Волхову, и другую зимой — санным путем через Псков. Знание языка высоко ценилось и было определяющим: благодаря владению русским купцы получали не только устойчивые контакты, но и привилегии. Поэтому молодых торговцев старались селить поначалу в боярских домах, чтобы быстрее учили язык.

По исследованиям ученых, Ганза закрыла нидерландцам, англичанам и другим западным конкурентам не только путь в Восточную Балтику, но и доступ к овладению русским языком. Неспроста, по замечанию московского историка Екатерины Сквайрс, в 1434 году на съезде Ганзы было принято утверждение: «Также нельзя способствовать тому, чтобы молодые голландцы, зelandцы, кампинцы, фламандцы либо англичане овладели [русским] языком».

Торговля велась монопольно, менова в основном, и, понятно, без какой-либо заметной конкуренции со стороны купцов других западных стран. В свою очередь, сама контора оставалась территорией закрытой и хорошо охраняемой. Купцы особенно ценили нахождение в Новгороде зимой, когда заготавливались меха, брали кожи, лен, пеньку, смолу, мед, хотя главным экспортным товаром был воск, из которого делали свечи. В ранние годы ганзейства именно благодаря контактам с Новгородом были отработаны принципы торговли: юридические основы, система взаимных обязательств, наказания и штрафы.

А вот и редкий факт. Известный русский святой Прокопий Устюжский, первый русский юридивый, был поначалу ганзейским купцом знатного любекского рода. Он так проникся православием, что оставил католицизм, торговые дела в Новгороде, раздал имущество...

Контакты с Ганзой дали русским городам Новгороду, Пскову и Смоленску связи с Западом, но после разгрома Новгородской республики московским князем Иваном Великим немецкие купцы в 1476 году оставили Великий Новгород.



И в Лондоне ганзейская контора под названием *Stahlhof* была «городом в городе»: свои склады, своя церковь, свои дома, забор. Вывозили шерсть, сукно, олово, кованое железо в обмен на товары, доставлявшиеся туда из Северо-Восточной Европы. Ганзейские купцы пользовались здесь правом свободной торговли по всей стране, в силу специальных привилегий, пожалованных им королем. Кстати, когда в 1532 году по приглашению короля Англии в Лондон прибыл великий немецкий художник Ханс Гольбейн-младший, он познакомился с немецкими купцами, жившими в фактории. Некоторых из них он запечатлел на портретах. Купцы представлены, как правило, на нейтральном темном фоне, иногда за столом, на котором разложены нужные для работы вещи. В 1598 году английская королева Елизавета I распорядилась закрыть *Stahlhof*.

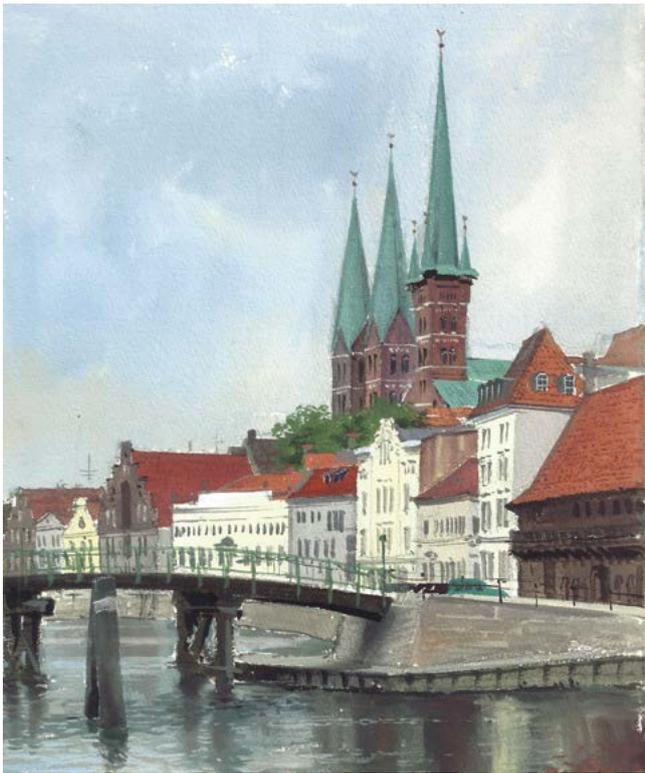
Самые суровые условия для ганзейцев были в приполярном Бергене. В старых грамотах содержатся сведения о том, что из Любека в Берген ежегодно совершали плавание десятки коггов. Купцы ганзейской фактории *Tyskebyggen* принимали грузы и отправляли суда с сушеной треской назад в Европу. Склады были забиты самыми главными товарами: рыбой и тресковым жиром, пушниной, смолой, дегтем. Никто не видел, как взвешивались грузы, как они хранились. Существовал обычай засылать в приполярный Берген из немецких ганзейских городов подростков для обретения опыта.

Контакты с женщинами запрещались, сама фактория охранялась собаками. Посланцы Ганзы жили в неотопливаемых деревянных домах, спали на нарах рядом со складами. За нарушение порядка можно было лишиться жизни.

Центром ганзейской торговли громадного значения был Брюгге, где в XIV–XV вв. активно пересекались пути европейской торговли: северной (балтийской) и южной (средиземноморской). Из Италии, Испании, Португалии везли восточные товары, покупая у немцев, например, пушнину. В Брюгге изготавливались янтарные четки — ходовой товар, продавались сукна и французские вина, масса колониальных товаров. Все это перекупалось ганзейскими торговцами для Восточной Европы. Через Брюгге в нидерландские города ганзейцы доставляли шведскую сельдь, пиво... Торговлю в Брюгге активно поддерживали представители местного дворянства, вот почему ярмарки сукон в Брюгге долго были столь популярными. Но в XVI веке обмелел канал, связывающий Брюгге с морем, и значимость Брюгге как европейского форпоста торговли резко снизилась.

ГАНЗА И ЦЕРКОВЬ

В сознании средневекового человека важнейшее место занимает вера. Для всего Средневековья Библия была книгой, в которой можно было найти ответы на все вопросы, но эти ответы не были окончательными. Каждый искал ответы сам, но, как отметил один из главных кураторов нового музея Рольф Хаммель-Кисоу, средневековый купец уже при жизни был одной ногой в аду. Он получал прибыль, а значит, грешил. С XII века церковь ввела понятие чистилища; это был теологический ответ на проблемы предпринимателей. Чтобы уменьшить свои грехи и, пройдя чистилище, оказаться в раю, богатые ганзейские купцы много жертвовали, участвовали в деятельности братств — объединений горожан, которые держались благотворительных целей



Любек. Рисунок Андрея Трона

(прежде всего, в отношении церкви). Особенно лояльным к горожанам и купцам был — в отличие от жесткой епископской власти — доминиканский орден, чей монастырь — часть музея. Прекрасно образованные доминиканцы легко находили контакт с любекскими купцами, становились их духовными наставниками.

Именно членству в Ганзейском союзе, набожности купцов — нередко демонстративной! — город обязан своей роскошной архитектурой. Выручка от торговли позволила местным жителям сменить деревянные постройки, часто страдавшие от пожаров, на мощные каменные, ставшие образцом кирпичной готики. В Мариенкирхе стремились подчеркнуть связь городского совета, торговых людей и церкви: в ней не только проходили церемонии вступления в должность членов совета, но и хранились главные ценности города и, прежде всего, казна. За купческими гильдиями, членами совета были закреплены отдельные места. Неслучайно церкви были так богато украшены: в Кафедральном соборе Любека, к примеру, находился всемирно известный шедевр — алтарь Ханса Мемлинга с изображением Страстей Господних.

Экспозиция

Залы музея невелики, как узки и тесноваты — по пропорциям человека! — были помещения в домах ганзейцев, свет в них точечный, а много ли света было в средневековом доме? На стенах вспыхивают комментарии на четырех языках, в том числе и русском, на громадном экране проецируются старинные портреты ганзейских купцов. Посетителю непривычно в такой обстановке, но, с другой стороны, он невольно оказывается приближенным к средневековой жизни. В музее несколько главных тем: фактории в Великом Новгороде, Брюгге, Бергене и Лондоне как главные форпосты торговой Ганзы, укрепление Любека как столицы ганзейства, влияние церкви, ганзетаги. Инсценированы

испытания, с которыми на протяжении своей истории сталкивалась Ганза: тут и страшная эпидемия чумы 1367 года, и междоусобицы, и жестокое пиратство.

После осмотра археологических раскопок посетители музея оказываются в залах, посвященных Новгороду. В это начальное, еще до Ганзы, время он был не единственным русским городом, развивавшим торговлю с немцами. В 1229 году был заключен договор со смоленским князем. Интересно, что из немецкого купеческого товарищества свои подписи под ним поставили 18 представителей из восьми немецких городов. Вот какой была география торговли в предганзейское время!

В экспозиции показано, как выглядела ганзейская торговля: от громадных коггов, на которых путешествовали купцы, до костюмов членов гильдий и хитроумных способов упаковки товаров. Кстати, универсальным ганзейским «контейнером» была бочка, в ней транспортировали все — от соли и сельди до меховых шкурок. В бочках доставляли в ганзейские города и пойманных пиратов. Зритель видит, как тщательно велись торговые книги, от Ганзы сохранились печати, счета, грамоты, торговые пломбы.

Эпилог

Разорительная Тридцатилетняя война унесла много жизней, изменила соотношение сил в Европе, утвердила новые экономические отношения, и значимость Ганзейского союза постепенно сошла на нет: в 1669 году прошел его последний съезд. Странно, но даже косяки сельди, которую ловили для ганзейцев столетиями у берегов Швеции, по непонятным причинам в это время мигрировали в сторону Нидерландов... Время Ганзы и ее вольных городов подходило к концу.

Николай Гумилев в прекрасном стихотворении «Средневековье» 1915 года утверждает, что миром движут подвижники, герои: строят прекрасные церкви и «островерхие дома», работают, не щадя своих сил. Ганзейцы были из этого ряда.

Ты помнишь ли, как перед нами
Встал храм, чернеющий во мраке,
Над сумрачными алтарями
Горели огненные знаки.

Эти знаки светят нам так же, как привиделись они поэту в его средневековом сне. Надо только всмотреться...

Отзывы о музее разные. Для многих он стал достижением европейской культуры, но есть и те, кто говорит о его технической перенасыщенности, об утомительном обилии текстов и даже недостатке экспонатов. Посетители отмечают и узкие, неярко освещенные, по их мнению, залы. А вот мне ничего не мешало. И я была окончательно сражена, когда в последнем зале музея увидела многочисленные восковые фигуры доминиканцев, персонажей любекского совета, и купцов — ганзейцев. Неподвижные, невероятно яркие и натуралистичные фигуры в конце экспозиции воспринимаются не как знак прощания с Ганзой, но как символ величия далекой грандиозной эпохи.

